

УДК93/94.271.2

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРАВОСЛАВНЫХ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ (1741-1761 гг.)

© 2022 М.Ю. Анисимов

Институт Российской истории РАН, г. Москва

Статья поступила в редакцию 20.08.2022

С первых месяцев правления Елизаветы Петровны русский двор предписывал своим дипломатам в Дрездене и Варшаве выступать с представлениями в защиту прав православных в Речи Посполитой. Их права нарушались насильственным отнятием церквей и обращением в унию с католичеством самих православных, а также притеснением православных католическими магнатами, шляхтичами и священнослужителями. Из четырех православных епархий Речи Посполитой в 1686 г., которые польские власти обязались защищать, к 40-м годам XVIII века осталась только одна – Белорусская епархия. Королевский двор Августа III издавал распоряжения по российским жалобам, но в силу республиканского устройства Речи Посполитой король не имел власти предписывать польским дворянам. Польский сейм, главный орган власти в Речи Посполитой, мог принять обязательные для всех решения, но его работа в XVIII веке была парализована внутренними раздорами магнатов. Принять какое-либо решение сейм был не в состоянии. Попытка организации в соответствии с польскими законами специальной комиссии по разбору жалоб православных не удалась. Российскому правительству оставалось только убеждать конкретных обидчиков православных в нежелательности подобных действий, но эти действия тоже не приносили результатов. Успехом русской дипломатии стало только сохранение православной Белорусской епархии от передачи в унию в связи с необходимостью для Дрездена и Варшавы русской защиты от возможной агрессии Пруссии в 1742 и 1756 гг. В это же время в среде самих православных Речи Посполитой росло недовольство как собственным бесправным положением в стране, так и бесполезностью только дипломатических методов их защиты со стороны русского двора.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, русско-польские отношения XVIII в., история Белоруссии XVIII в., диссидентский вопрос, Речь Посполитая.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-74-87

Проблема положения православных (и в целом религиозных диссидентов) в Речи Посполитой была одной из основных проблем, в итоге приведших к исчезновению шляхетской республики во времена Екатерины II в результате разделов Речи Посполитой.

Предпосылки появления этой проблемы и ее развитие относятся к предыдущему периоду русско-польских отношений, в частности к временам правления императрицы Елизаветы Петровны. Русско-польские отношения этого времени - в целом мало-

изученная тема. В 1795 г., после Третьего раздела Речи Посполитой, Н.Н. Бантыш-Каменский составил из материалов архива Коллегии иностранных дел отдельную книгу (впервые опубликованную в 1815 г.), которая представляет собой хронологический перечень жалоб польских православных на факты их притеснения от времен возникновения унии, включая и эпоху российской императрицы Елизаветы Петровны¹. С дипломатической перепиской елизаветинской эпохи между Дрезденом, Варшавой и Петербургом работал С.М. Соловьев для своей многотомной «Истории России с древнейших времён», отметив в своей работе, что «бесконечное дело о притеснении

Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях».
E-mail: anisimovm@list.ru

ях православных католиками и униатами, дело чрезвычайно трудное»². Со времен С.М. Соловьёва интерес к дипломатической переписке между Петербургом, Дрезденом и Варшавой в 40-60-е гг. XVIII в. практически не проявлялся. В польской историографии проблема прав православных зачастую просто не признается. Например, исследовательница З. Зелиньска описывает инструкцию к российскому посланнику в Варшаве графу Г.К. Кейзерлингу 1763 г., в которой была упомянута защита прав православных «от обид, нанесенных якобы (rzekomo) поляками православию»³. Современный российский историк Л.М. Аржакова посвятила свои работы борьбе с мифами и стереотипами в отечественной историографии о причинах разделов Речи Посполитой, к числу которых автор относит и диссидентский вопрос⁴.

Какую же роль в действительности сыграл в русско-польских отношениях и в судьбе Польши в целом диссидентский вопрос в свете защиты прав православных русской дипломатией? Каковы были предпосылки решения этого вопроса при Екатерине II?

Наказы о защите прав православных отправляются в Дрезден, к посланнику при королевском дворе (польский король Август III одновременно был курфюрстом Саксонии и большее время проводил в Дрездене) барону Г.К. Кейзерлингу, и в Варшаву, к резиденту Петру Голембиовскому, с первых месяцев восшествия на престол Елизаветы Петровны. 16 августа 1742 г., резюмируя прежние жалобы, к Кейзерлингу был отправлен очень пространный рескрипт о том, что оба дипломата уже получали представления о «на православные греко-российского исповедания в Литве в тамошних епархиях церкви и обывателей весьма несносных и Вечному мирному трактату (1686 г. – М. А.) противных обидах и гонениях, и утеснениях, насильственным отнятием поляками на унию церквей, воспрещением вновь вместо сторевших церквей строением, принуждением людей в римский закон и всякими при том произведенными разорениями, мятежами и смер-

тоубивствами», и ныне Кейзерлингу напоминалось, чтобы он стремился прекратить такие практики в Речи Посполитой. Прежние представления дипломатов польско-литовским официальным лицам не произвели никакого впечатления на утеснителей, «но и паче такие прежние поступки и утеснения беспрестанно умножаются», а угнетаемые православные жалуются на это в Петербург. От лица самой императрицы рескрипт сообщал посланнику: «И понеже мы как по совести и должности христианской, так и для должного же содержания и сохранения свято постановленного Вечного мирного трактата⁵ себя весьма обязанную признаваем». Такие насилия бесчеловечны, православные лишаются божественных служб, то есть средств к душевному спасению, и это при том, что права православных защищают и международные договоры, и внутренние привилегии и вольности Речи Посполитой. Мучения «над людьми одного с нами (т.е. с Елизаветой Петровной. – М. А.) исповедания и для гонения того самого исповедания чинятся», поэтому вопрос их прекращения так важен, и императрица обязана встать на защиту своих единоверцев. Прежние распоряжения о защите православных подтверждаются этим рескриптом, и Кейзерлингу в этом деле велено «стоять вам накрепчайше»⁶.

Судя по тексту рескрипта, православные Речи Посполитой сами принесли жалобы в русскую столицу, прежде всего в Синод, и они упали на благодатную почву. Елизавета Петровна, известная ревнительница православия, восприняла эти жалобы как свое личное дело, от решения которого она не может уклониться, и именно ее долг – защитить своих единоверцев, которые из-за действий католиков лишаются надежд на вечную жизнь – ведь им невозможно совершать богослужения. И с этой поры защита прав православных в польско-литовском государстве становилась одной из главных задач российских дипломатов.

В то время, когда готовился рескрипт Кейзерлингу, тот уже сам получил письмо от священника русской посольской церкви в

Варшаве иеромонаха Сильвестра Коховского, передавшего ему жалобы православных. Посланник 26 августа сделал письменное представление об этих жалобах королю Августу III, тот был возмущен и обещал сделать все необходимое для пресечения подобного отношения к части своих подданных. Через месяц Кейзерлинг передал королю грамоту Елизаветы Петровны об отзыве главы единственной православной епархии в Речи Посполитой – епископа Белорусского Иосифа Волчанского, которого переводили в Россию в качестве архиепископа Московского и Владимирского. Король Август III снова заявил, что с его стороны будет оказано все необходимое содействие этому отзыву и назначению в Могилев нового епископа.

В декабре 1742 г. Кейзерлинг, реагируя на представления из Петербурга, снова подал жалобы православных королевскому двору. Опытный и умный дипломат прокомментировал пути решения проблем православных: «а между тем я не усматриваю, как и каким образом отсюда сему злу предупредительные меры взяты быть могут, ниже иной дороги и способа к тому не нахожу, как того, что уже в пактах конвентах⁷ дозволено и постановлено, а именно: чтоб комиссия учреждена была, которая благоосновательные жалобы исповедующих греческую веру, по их древнему праву привилегии и правам, прекратить, и сии таким образом право и сатисфакцию достигнуть могут»⁸. Кейзерлинг продолжал делать представления по конкретным фактам жалоб православных, их принимали при королевском дворе, но о каких-либо подвижках в этом направлении посланник сообщить не мог.

1 февраля русский двор отправил посланнику рескрипт с повелением узнать о судьбе королевского привилея о назначении нового белорусского православного епископа, которым должен был стать родной брат предыдущего, иеромонах Иероним Волчанский из Виленского Свято-Духова монастыря. 8 марта повеление добиться наконец получения этого привилея было повторено в новом рескрипте⁹.

22 марта (2 апреля) того же года Кейзерлинг сообщил, что литовский подканцлер князь Михаил Чарторыйский поставил его в известность о том, что привилей для Волчанского задержан королевским двором из-за представлений некоторых духовных и светских вельмож Речи Посполитой.

Кейзерлинг отреагировал незамедлительно, отправив ноту первому министру короля графу Г. фон Брюлю, упомянув, что Белорусская епархия существует и поддерживается русскими благодаря условиям русско-польского Вечного мира 1686 г. и многим пактам конвента. Брюль, принимая ноту, заявил посланнику, что королевский двор не в курсе этой возможной задержки. Как посчитал Кейзерлинг, Белорусскую епархию, последнюю в Речи Посполитой, католики хотели передать в унию и планировали утвердить на кафедре в Могилеве униата.

31 марта (11 апреля) Кейзерлинг получил официальный ответ на свою ноту от королевского двора, в котором утверждалось, что нужный Волчанскому привилей королем подписан без всяких задержек и, вероятно, невручение этой грамоты иеромонаху связано с самим литовским подканцлером Чарторыйским¹⁰. Кейзерлинг действительно узнал, что Чарторыйский не скрепил королевский привилей своей печатью как главное государственное лицо Великого княжества Литовского. Ответа от самого Чарторыйского относительно приложения печати к привилею Волчанскому Кейзерлинг так и не получил.

Только 22 ноября (3 декабря) 1743 г. Кейзерлинг сообщил о судьбе этого привилея – с литовской печатью он был прислан обратно королю, теперь препятствия для его опубликования и передачи Волчанскому не было. Однако первый министр граф Брюль сказал российскому посланнику, что король просит не упоминать об этом привилее до момента окончания сейма 1744 г., так как Август III опасается бури негодования польских магнатов и шляхты на сейме, что может навредить всем королевским планам на нем. Иероним Волчанский может уже начи-

нать работу в новом качестве главы епархии, но негласно¹¹. В начале 1744 г. привилей так и не был отдан, так как король ждал созыва сейма. Это возмущало русский двор, так как вручение привилея было исключительно королевским делом, не касавшимся сейма. Соответствующая промемория с указанием на то, что Речь Посполитая уже давно обязалась соблюдать свободу диссидентов, Иероним Волчанский – природный польский шляхтич, а короли и ранее всегда выдавали привилеи епископам по российским представлениям, была вручена в Петербурге польско-саксонскому посланнику барону Н.В. фон Герсдорфу 25 мая.

Кейзерлинг, работая по общим жалобам, разговаривал с самим королем Августом III о проблемах православных в Речи Посполитой, о чем сообщил в реляции от 10(21) декабря 1743 г. Август III, воспитанный матерью в протестантизме и перешедший в католичество в 16 лет, говорил посланнику, что он сам недоволен тем, чему подвергают в Речи Посполитой православных, и уже отправил множество повелений с требованиями прекратить притеснения, но результатов нет, поляки не слушают его, что «ослепленной в вере ревности, которая злоупотреблением вольности подкрепляется, приписать надлежит», и Август III считал, что только решение сейма, главного и полномочного органа Речи Посполитой, может изменить ситуацию¹².

19 ноября 1743 г. в Варшаву российскому резиденту Голембовскому российские власти писали очень эмоционально и впервые появились даже угрозы в отношении обидчиков православных. Снова констатируя бесполезность, несмотря на текст Вечного мира, прежних дипломатических представлений в защиту своих единоверцев (в минском православном монастыре монахам католики не разрешали починить крышу на погорелой церкви, в Дрогичине были под запретом православные процессии, их участников избивали на улицах, в Белоруссии православные церкви отнимали в унию), рескрипт от лица Елизаветы

Петровны писал, что эти притеснения, вопреки жалобам «паче от времени до времени наижесточайшим и немилосерднейшим, да и прямо Богу противным и ругательным образом умножаются», как будто быть православным – это быть преступником. Российская императрица воспринимает эти действия как личное оскорбление и гарантирует, что будет продолжать заступаться за своих единоверцев. При этом Россия может совместно со своими союзниками принять свои меры для помощи диссидентам, и союзники уже к этому готовы. Русский двор имел в виду соглашение с Пруссией о совместных действиях в случае необходимости защиты прав религиозных диссидентов Речи Посполитой – православных и протестантов, это соглашение было заключено с пруссаками еще Петром I в 1719 г.¹³. Сформулировав угрозу, текст рескрипта делает шаг назад и извещает, что это крайняя мера, которая может принести вред польско-литовскому государству. Поэтому меры воздействия русский двор оставляет прежними – дипломатическими представлениями уговаривать как власти Речи Посполитой, так и конкретных магнатов и шляхтичей прекратить притеснения православных¹⁴. Путь совместных действий с Пруссией, которая быстро превращалась в главного соперника России в Центральной Европе, был для Петербурга неприемлем – там прекрасно понимали, что прусский король Фридрих II готов под любым предлогом захватить западную часть Польши с большим количеством живущих там протестантов.

14(25) января 1744 г. относительно жалоб православных резидент в Варшаве Голембовский сообщил: «для доставления утешением их прежних вольностей всемерно потребно будет серьезно поступать, дабы хотя [бы] угрозами то получить, еже любовными представлениями исходатайствовать едва ль возможно будет; о чем мои многократно королю поданные мемориалы, також и протчие представления и протчие токмо втуне учиненные домогательства довольно явствуют». Этот метод угроз поляк

Голембовский считал наиболее действенным в своей родине, отмечая, что король и польское министерство не рассылали грамоты с требованиями прекратить притеснения православных до тех пор, «пока ныне не удостоверились, что сие дело серьезнее становится». Голембовского не удивлял тот факт, что польские подданные обращаются за защитой к соседней стране – ожидаемо, что они правосудия «здесь в Польше найти не могут», польские канцлеры, если бы хотели, давно могли бы решить эту проблему, но они сами являются участниками насилия в отношении к православным. Пока же Голембовский велел православным монастырям записывать их жалобы и быть готовыми предъявить их в письменном виде по первой необходимости¹⁵.

Казалось, дело защиты прав православных сдвинулось с мертвой точки – 3(14) марта 1744 г. Голембовский сообщил, что получил письмо от краковского епископа, в котором тот заявлял, что «к исследованию сих жалоб о религии наперед комиссия учреждена быть имеет, точию сие прежде возвращения короля в Польшу учиниться не может»¹⁶.

Созыв официальной комиссии по разбору жалоб уже был серьезным достижением русской дипломатии, признанием польской стороной существования такой проблемы.

Пока официальная комиссия еще не была созвана, для разбора жалоб православных в Дрогичине собралась своя местная комиссия, созванная луцким католическим епископом, на которую Голембовский отправил посольского иеромонаха Сильвестра Коховского. «Помянутая комиссия с великим криком чрез целые пять дней продолжалась»¹⁷, как отметил резидент со слов вернувшегося иеромонаха, и никакого результата дать не могла. Сам Коховский в мемориале русскому двору сообщил, что на комиссии отказались слушать свидетелей со стороны православных, одного из них запугивали угрозами как «богоотступника»¹⁸. В июне Голембовский сообщил, что комиссия в Дрогичине по-прежнему

не обращает внимания на свидетельские показания православных и вообще желала бы запретить в городе похороны по православному обряду¹⁹.

В январе 1744 г. в Петербурге был подписан союзный договор между Елизаветой Петровной и Августом III как саксонским курфюрстом. Это позволило обращаться к королевскому двору с жалобами на притеснения православных как к союзнику: «коль по единоверию нам таковые гонения в толь тесно союзном с нами государстве чувствительны»²⁰. Проблема защиты прав православных в Речи Посполитой не отходила на второй план даже в условиях стремительного обострения отношений в Центральной Европе.

Сейм 1744 г. ожидался как в Речи Посполитой, так и в столицах европейских государств с особым вниманием. В связи с быстрым ростом военного могущества Пруссии и явными интересами прусского короля Фридриха II в отношении как польских земель, и саксонский двор, и польские магнаты хотели бы обеспечить защиту и своего положения, и своих территорий от пруссаков. На сейме должен был поднят вопрос об увеличении польской армии, а также поиска союзников при возможном вторжении в Речь Посполитую прусской армии. Лучшим из возможных союзников и Дрезден, и польские магнаты считали Россию. В России в это время тоже планировали как решить на сейме вопросы двухсторонних отношений, так и включить теперь уже и польско-литовское государство в свой союз с Саксонией и лично с польским королем Августом III.

Во время нахождения короля и Кейзерлинга в Варшаве посланнику удалось решить долгий вопрос о привилее для Иеронима Волчанского на могилевскую православную кафедру. В привилее содержались слова о том, что посвятить Иеронима в епископы должен находившийся во Львове предстоятель русской униатской церкви в Речи Посполитой Афанасий Шептицкий, имевший сан митрополита киевского и

всея Руси. Для России было неприемлемо поставление православного епископа из рук униата, поэтому Кейзерлинг попросил короля издать рескрипт, чтобы Волчанский сам принял епископство, минуя униатов, и король это тут же сделал, явно желая добиться расположения русского двора в условиях прусской угрозы.

Сменившему Кейзерлинга новому российскому посланнику в Дрездене графу М.П. Бестужеву-Рюмину был отправлен рескрипт от 13 сентября 1744 г. В нем сообщалось, что в Петербурге заинтересовались вопросом, каким образом в Речи Посполитой исчезли упомянутые в Вечном мире 1686 г. три из четырех православных епархий – Перемышльская, Львовская и Луцкая, превращенные теперь в униатские: «в котором году и по какой причине оное учинено, яко о давнем деле здесь вскоре известия сыскать не мочно»²¹.

Особый интерес российской дипломатии к выяснению этого вопроса показывает и отдельное дело, в котором была сведена копия переписки по этому поводу.

Надеждой Петербурга на получение ответа был резидент в Варшаве, которому и был направлен соответствующий рескрипт. 26 января 1745 г. Голембовский доложил, что так и не смог узнать в Варшаве, кто, когда и каким образом передал три епархии в унию. Голембовский изложил те сведения, которыми он лично располагал, – Луцкая, Перемышльская и Львовская епархии были в униии уже во время правления короля Иоанна III, то есть Яна III Собеского, скончавшегося в 1696 г. Во время Северной войны Петр I, находясь в Луцке, уже имел дело с униатами, его попытки вернуть на кафедру православного епископа в итоге не удалось, а после этого никаких перемен уже не было. Голембовский в реляции обещал продолжить расследование, но на этом дело об обстоятельствах перехода трех епархий в унию завершается. Вероятно, других сведений так и не удалось найти, в любом случае, давнее время этих событий уже не могло влиять на судьбу трех бывших православ-

ных епархий.

Можно сказать, что не все епархии официально перестали существовать как православные при Яне Собеском, но резидент не так уж и ошибся – именно при Яне Собеском и при его непосредственном участии (именно король утверждал епископов) во главе епархий оказались тайные униаты.

После Вечного мира 1686 г., потеряв большую часть православных подданных на Левобережье Днепра, польские власти и шляхта стали все более негативно относиться к православным Правобережной Украины, считая их неблагонадёжным элементом и стремясь вывести их из подчинения православного митрополита киевского, находившегося теперь в российских владениях, и передать их римскому престолу через принятие униии. Король утвердил епископом львовским Иосифа Шумлянского, а епископом перемышльским – Иннокентия Винницкого, тайных униатов.

В 1691 г., на пятый год после подписания Вечного мира 1686 г., в котором Речь Посполитая подтверждала существование и свободу православных епархий, Иннокентий Винницкий одновременно стал униатским епископом и объединил под своей властью православную и униатскую перемышльские епархии, а в 1694 г. окончательно прекратил сопротивление православных этому решению.

Львовский епископ Иосиф Шумлянский в 1694 г. на соборе духовенства своей епархии предложил перейти в унию, но получил тогда отпор и отложил идею. В 1700 г., после того, как католики обнародовали факт его личного перехода в унию, Шумлянский объявил о переходе епархии в унию. Попытки сопротивления части горожан Львова, не пускавшего его в свои церкви, были подавлены солдатами польской коронной армии, к которой епископ обратился за поддержкой.

Луцкая епархия при Яне Собеском тоже получила в епископы тайного униата, Афанасия Шумлянского, брата львовского епископа, но тот умер в 1694 г., так и не успев

ввести унию. Православные избрали новым епископом писаря Дмитрия Жабокрицкого за его строгие православные убеждения, но он был женат на вдове. Для получения сана он развелся и принял монашество с именем Дионисий, при этом его жена отказалась принимать монашество, что стало каноническим препятствием при его рукоположении в епископы киевским митрополитом, обратившимся за разрешением на поставление в епископы, ввиду исключительных обстоятельств, к московскому патриарху Адриану. Тот запросил мнение других православных патриархов и получил отказ от константинопольского и иерусалимского патриархов, предложивших Адриану найти нового кандидата в луцкие епископы. Жабокрицкий, уже не желая терять такое место, сам получил поставление от одного из подчиненных константинопольскому патриарху архиереев в Закарпатье и был запрещен в служении патриархом Адрианом. После этого Жабокрицкий начал переговоры о переходе в унию и сохранении за ним места епископа уже в униатской церкви. В 1701 г. он переводит епархию в унию, в 1702 г. униатский митрополит киевский назначил его епископом луцким. Дионисий Жабокрицкий недолго им оставался – в 1709 г. его по обвинению в вероотступничестве и связях с Мазепой и шведами арестовал Петр I, находившийся тогда в Луцке, и Жабокрицкий умер в заключении в Москве. Однако епархию вернуть уже не удалось²².

России оставалось заботиться только о последней епархии, упомянутой в Вечном мире 1686 г. и единственной из четырех, находившейся на территории Великого княжества Литовского – Белорусской (Могилёвская, Мстиславская и Оршанская), с кафедрой в Могилеве.

Русские условия, в начале ноября 1744 г. переданные польским сенаторам для принятия решения на сейме, содержали пункт сохранения прежних прав православных и возвращения им отнятых храмов²³. Но, как и прежние сеймы, сейм 1744 г. тоже распустился, не приняв никакого решения.

5 января 1745 г. посланник М. Бестужев-Рюмин сообщил, что, как и ожидалось, после роспуска сейма король созвал специальную комиссию для исследования жалоб православных. В Варшаве Голембовский, поляк и католик, в это время стал высказывать недовольство размерами претензий православных. Опираясь на письма Иеронима Волчанского, он отметил, что белорусский епископ хочет, чтобы его жалобы на католиков принимались без суда, как Евангелие, на веру. И очень нехорошо, что Волчанский ругает веру своего короля, отметил Голембовский. В польских реалиях к судам нужно готовиться очень тщательно, считал резидент – даже сам король не смог доказать в суде обвинения против одного шляхтича в личном оскорблении.

Относительно конфликтов между клиром православных церквей и магнатами и шляхтой, на чьих землях располагались эти церкви, Голембовский сообщил, что сами эти церкви были построены православными предками этих нынешних дворян-католиков, которые, таким образом, унаследовали права протекторов этих церквей. Священники не слушают слов покровителей своих церквей – и последние забирают церкви в унию. По мнению резидента, тут были неправы обе стороны – дворяне-землевладельцы, нарушавшие трактаты, и православные священники, не слушавшиеся своих католических опекунов²⁴.

Комиссия по разбору жалоб православных сразу столкнулась с трудностями. В 1747 г. Голембовский стал высказывать свое недовольство нежеланием лидеров православия Белоруссии участвовать в комиссии. По его словам в реляции от 27 июня, сам резидент с посланником М. Бестужевым-Рюминым все сделали для созыва такой комиссии, а лидеры православных не хотят ехать в Варшаву на заседания, а это очень опасно, так как магнаты, на которых есть жалобы, приедут, увидят, что обвинителей нет, рассердятся и объявят все жалобы ложными. Католика Голембовского поддержал и посольский иеромонах Сильвестр Кохов-

ский, хотя и опасаясь получить выговор от киевского митрополита и Синода за такую позицию.

Иероним Волчанский 27 мая того же года писал Голембовскому, что он болен и не может ехать, католический епископ виленский Михаил Зенкович вместо удовлетворения его жалоб сам стал обвинять его в несуществующих нарушениях, а «всегда легче спорить, нежели доказывать», и по практике судов в Польше он может сказать, что очень тяжело и шляхтичам отстаивать свое дворянство, если кто-то в этом усомнится и обратится в суд.

Кроме того, писал епископ, среди его людей нет ни одного способного к участию в комиссии, «ибо ни в Польше, ни в Литве никого из наших как до школ, так и до канцелярии нигде не допускают». Вариант с предложением защищать интересы православных обычному юристу-католику возможен, но были попытки отлучить адвокатов от католической церкви за защиту схизматиков, и теперь желающих найти трудно. Также в дворянском государстве Речи Посполитой нельзя жаловаться на своих владельцев, в том числе и священникам. Шляхтич или магнат, которого вызовут в комиссию, просто прикажет повесить и любого своего жалующегося холопа, и живущего в его владениях попа. В Польше не как в «абсолютных государствах», где господину и крестьянину от монарха дается равная справедливость, жаловался епископ, отмечая, что рассылаемые королевские универсалы здесь никого не пугают. Когда православные жаловались на отнятие в унию православных церквей во владениях воеводы русского князя Чарторыйского и виленского коадьютора Сапегги, оба магната были назначены судьями по разбору жалоб на них же. Поэтому тягаться в судах с магнатами – все равно что стараться «от громовой стрелы себя защитить». Например, влиятельный надворный маршал граф И. Огинский в Борисове построил всех православных перед собой и уговаривал их принять унию, а местному подстаросте велел для тех, кто будет жаловаться свое-

му епископу, построить виселицы и колья. Кроме этого, Огинский снова запретил православным проводить венчания, крещения и прочие таинства – и это государственный человек, который хорошо знает все права православных в стране²⁵.

Архимандрит православного случского монастыря Иосиф Оранский, со своей стороны, доложил Голембовскому, что он разослал письма к игуменам православных монастырей по поводу работы комиссии, но ответа до сих пор не получил, не было писем и от православных братств. В самом Слуцке у него ученых людей тоже нет, да и вообще большинство православных едва могут написать только свое имя, и представителя на комиссию нужно искать в Варшаве²⁶.

Голембовский и Коховский провели совещание вдвоем 26 июня и предложили, если в Белоруссии нет достойных комиссии людей, пусть туда едет сам епископ Волчанский, как это делают католические и униатские епископы. В случае необходимости можно нанять профессионального адвоката, по словам Голембовского и Коховского, его никто не тронет, в Польше все знают, что это просто профессия, и за деньги юристы служат кому угодно, тем более в данном случае они будут защищать древние права, данные республикой своим жителям. Пугать виселицами смысла нет, православные сами имеют защитников столь высокого уровня, что могут добиться наказания и для влиятельных людей. Раз епископ сам признает, что в Польше одно право для воевод и другое – для убогих шляхтичей, то пусть сам этим и пользуется как назначенный королем и Речью Посполитой глава епархии. Да, из-за жалоб помещики могут озлобиться и стремиться совсем изгнать православие, но сам епископ может решать – жить православным так, как сейчас, или изменить это. Если комиссия примет его жалобы, то запретит продолжать эти нарушения, а значит, такое решение легко примет и сейм. Выпад Волчанского против шляхетской республики относительно разных судов для магнатов и шляхтичей Голембовский резонно

парировал тем, что в абсолютистских государствах господин тоже может куда больше убогого человека, а в Польше бывает и такое, что простой шляхтич выигрывает дело у магната, потому вместо того, чтобы пугать казнями, епископ может взять и защитить своих людей, пользуясь своими покровителями – королем и российской императрицей²⁷. Обо всем этом резидент написал епископу Волчанскому.

Коховский не зря боялся, что письмо Голембовского не понравится Синоду. 22 сентября 1747 г. посланнику М. Бестужев-Рюмину был отправлен рескрипт, в котором сообщалось, что, по мнению Синода, очень сомнительно, что папист Голембовский действительно старается в пользу православных в их конфликтах с католиками. Пусть в комиссию по рассмотрению жалоб будут включены только те, кого назначит епископ Иероним Волчанский, или пусть туда войдет духовник русской миссии Сильвестр Коховский.

Самому Голембовскому в этот же день был отправлен рескрипт с извещением о том, что из-за его католицизма русский двор исключает его из дела комиссии по жалобам православных. В Петербурге не сомневаются в верности резидента, которую он демонстрировал долгим опытом службы российским дипломатом, все его действия императрица одобряет, но следует уклониться от участия в комиссии, направив туда православных духовных – архимандрита слуцкого Троицкого монастыря Иосифа Оранского, иеромонаха Коховского или кого ещё. Если им потребуется совет резидента, то тот окажет им помощь²⁸.

3(14) октября Голембовский, явно после перенесенного инсульта ставший более обидчивым и раздражительным, что видно не только в реляциях о комиссии по жалобам православных, направил в Петербург ответ, что епископ белорусский напрасно обвиняет его перед Синодом и другими влиятельными людьми в Петербурге – он верный слуга государыни и всегда защищал православие, что можно видеть в его

ранних донесениях. Обиженный поляк сообщил, вероятно, откуда-то зная суть жалоб Волчанского, что пассаж о совести поляков, которая одному Богу известна, он пропустит, «ибо, кажется, якобы епископ белорусский сперва свою совесть притом вовсе позабыл». В Речи Посполитой свое устройство, своя практика судов, и иначе справедливости никак не получить, если только всех поляков не вывести, потому тут всегда слушают и вторую сторону²⁹.

10 ноября Голембовскому было отправлено более суровое письмо. Ему сообщили, что его призыв, чтобы православные на комиссии воздерживались от угроз, был передан в Синод, а самому резиденту русский двор напоминает, чтобы он не вмешивался в это дело³⁰.

Комиссия по разбору жалоб собиралась начать свою работу в ноябре 1747 г., но начало заседаний было отложено по распоряжению короля до его приезда в Варшаву. Это обстоятельство усложнило положение православных, так как они уже прибыли в город и вынуждены были набирать долги, чтобы прожить в польской столице. Но ничего сделать было нельзя, сообщал Голембовский – эмиссары католиков и униатов находились в том же положении, а король не обязан ни перед кем отчитываться. Из Петербурга были оперативно присланы 2 тысячи рублей эмиссарам и юристам и 1000 рублей – епископу Волчанскому.

6 ноября комиссия начала работу, но через полчаса снова по указу короля была отложена. В указе, копия которого была у Голембовского, резидент отметил, что король сам собирается быть в комиссии, чтобы защищать униатов, однако новый указ короля снова отложил заседания на неопределенный срок – почти год назад во Львове скончался униатский митрополит всея Руси Афанасий Шептицкий, все его бумаги были опечатаны, и для работы комиссии следовало ждать выборов нового митрополита или каких-либо других решений. Новый митрополит вступил в должность только в декабре следующего, 1748 г.

В этот год должен был состояться очередная сейм, на котором Петербург снова собирался поставить вопрос о защите прав православных. Повеление об этом было отправлено посланнику М. Бестужеву-Рюмину 12 июля³¹. 6 сентября ему велели помогать православным, которые придут на сейм для рассмотрения своих жалоб. Сейм начался, и 8 октября 1748 г. посланник Бестужев-Рюмин сообщил, что на нем в негативном ключе говорят о комиссии по разбору жалоб православных. Шляхта была недовольна самим ее созывом, как и открыто выступившие против нее некоторые сенаторы, придерживающиеся профранцузской ориентации (воевода сандомирский Ян Тарло и великий коронный маршалок Франтишек Белиньский). Сменивший умершего 12(23) февраля Голембовского секретарь российской миссии в Варшаве Ян Ржичевский (Ржишевский) также сообщил, что магнаты «комиссией о вере по-видимому не весьма довольны». Очень влиятельный в Литве великий гетман литовский князь М.К. Радзивилл говорил Ржичевскому, что у него самого много жалоб на православное духовенство, которые он может доказать, и в целом король мог созвать комиссию только с согласия сейма³².

Это уже было более серьезно. Постоянные претензии к королю по поводу нарушения прав польского дворянства заставляли того относиться к новым таким случаям очень внимательно.

29 октября (9 ноября) посланник Бестужев-Рюмин сообщил, что сейм, так ничего и не рассмотрев, разошелся по примеру предыдущих.

Посланник решил тогда снова вернуться к идее комиссии и через Брюля спросил о том, когда она может начать работу. Первый министр ответил, что на нее сейчас нет времени. В связи с этим М. Бестужев-Рюмин предложил православным эмиссарам вернуться в свои монастыри, чтобы не вводить себя в напрасные траты. 20 января 1749 г. посланник получил официальный ответ польского министерства на его представ-

ления о правах православных. В нем говорилось, что в 1746 г. король для разбора их жалоб велел созвать комиссию, а православные по-прежнему жалуются русским, а не своим властям, сами же жалобы их пустые и недоказуемые.

Комиссия так больше и не заработала, этот путь прекращения нарушения прав православных был закрыт. Комиссия имела своим результатом только то, что один из руководителей православной делегации архимандрит слуцкого монастыря Иосиф Оранский своими трудами ради комиссии обратил на себя внимание Синода и в мае того же 1748 г. был назначен архимандритом Киево-Печерской лавры, в качестве которого и скончался в 1751 г.

Постоянные бесплодные роспуски официального главного государственного органа Речи Посполитой приводили к тому, что в России не могли рассчитывать в этом деле и на сейм. Кроме того, выявившееся на сейме 1748 г. возмущение шляхтой и магнатами самим фактом созыва комиссии для рассмотрения жалоб православных означало, что государственные органы шляхетской республики вряд ли бы пошли навстречу своим православным подданным.

Оставался лишь путь увещевания конкретных обидчиков православных и продолжения дипломатического давления на польские власти. Кого-то убедить удавалось, но были и католики, которых уговаривать было бесполезно в принципе, как уже упоминавшегося виленского епископа Михаила Зенковича. Православный епископ белорусский Иероним Волчанский жаловался на его действия регулярно, эти жалобы русские дипломаты передавали польским властям. Осенью 1754 г. епископ Иероним Волчанский скончался. Снова возник вопрос о назначении на епископскую должность униата и ликвидации последней православной епархии Речи Посполитой. За это выступали как в Польше – например, коронный подканцлер Воджицкий, униатский митрополит Киевский и всея Руси Флориан Гребницкий, так и за ее пределами – сам

папа римский Бенедикт XIV.

Однако белорусской епархии снова, как и в 1742 г., повезло – саксонский двор, как и в 1742 г., накануне ожидавшейся войны с Пруссией, снова стал нуждаться в русской защите. Отношения между державами Европы в 1754-1756 гг. стремительно обострились, и в Дрездене понимали, что прусский король в любой момент может начать новую войну атакой Саксонии. Поэтому королевский двор любыми способами стремился получить поддержку русского. Август III сразу же сообщил Елизавете Петровне о смерти епископа и о согласии выдать привилегий на епархию тому человеку, которого определит российская императрица, и готовности ждать ее решения этого вопроса.

Петербург быстро определился с кандидатом в епископы – им стал ректор Киевской духовной академии Георгий Конисский, знаменитый философ и богослов. Хотя ранее белорусским епископом мог стать только польско-литовский шляхтич (Конисский родился в левобережном российском Нежине, кроме того, происходил из казачьей старшины, и его украинское шляхетство поляками не признавалось – у украинцев не может быть шляхты), король все равно утвердил его на кафедре в Могилеве.

Российские жалобы на обиды православных в последней православной епархии Речи Посполитой были постоянным явлением, но кроме них никаких средств воздействия на притеснителей Петербург не использовал даже тогда, когда русские войска, отправляемые на войну с Пруссией, находились на территории Речи Посполитой в 1757-1761 гг. На это надеялись и православные, что уж теперь-то, когда русские войска находятся на их землях, они сумеют прекратить все утеснения своих единоверцев со стороны их врагов. Показателен такой пример: в 1756 г. в пределы Речи Посполитой прибыл капитан российского Ямбургского полка фон Зейферт, по слухам, якобы следовавший в Вильну для расследования обид, нанесенных местному

православному монастырю. Это произвело на виленских католиков такое впечатление, что все они стали клятвенно просить примирения у монахов. Однако оказалось, что капитан следует в Дрезден по совсем другому делу, и все те, кто только что испуганно просил примирения, разом отказались от своих прежних намерений, и притеснения монахов только усилились³⁵.

Петербург и тогда, несмотря на оказавшуюся действенной отправку русского военного, отказывался вмешиваться во внутривойсковые дела, ограничиваясь представлениями польским властям в защиту православия.

Следует отметить, что в среде самих православных Белоруссии идеи активной защиты Россией православия в Речи Посполитой уже начали оформляться в своеобразную политическую программу. Ее автором был старший иеромонах виленского Свято-Духова монастыря Феофан Леонтович, к тому времени уже отозванный в Россию. 29 августа 1758 г. он по указанию Коллегии иностранных дел составил для нее доклад, сообщив, что никакими представлениями и жалобами на нарушение статей Вечного мира Петербургу до сих пор не удалось вернуть ни одной из захваченной католиками и униатами православных церквей. В конечном итоге поляки и вовсе истребят православие в Речи Посполитой. Леонтович предлагал конкретные меры – следует объявить российским католикам, что если в Польше и Литве власти будут запрещать ремонт хоть одной православной церкви, то в России будут опечатаны все католические храмы; если отнимут хоть одну православную церковь – то в России у католиков отнимут все их церкви; если в Речи Посполитой будет избит православный священник, то в России католические священники публично будут наказаны кнутом. Такие меры, по мысли Леонтовича, будут куда более действенны, чем все дипломатические представления Петербурга и клятвы польских властей. Леонтович даже предлагал привлечь к обсуждению диссидентского во-

проса европейское общественное мнение и показать, что изданные только одной католической нацией законы страны должны быть согласованы как с международными договорами, так и с волей других народов Речи Посполитой, исповедующих иные направления христианства. В заключение Феофан Леонтович рекомендовал отправить в Речь Посполитую специальные воинские команды для бескровного возвращения захваченных монастырей и церквей³⁴.

Коллегия иностранных дел признала невозможным принять рекомендации Леонтовича относительно ответных притеснений католиков в России и каких-либо иных недипломатических действий против польских шляхтичей и магнатов. Белорусский историк Е.К. Анищенко считал Феофана Леонтовича человеком, стоявшим у самых истоков диссидентского вопроса Речи Посполитой³⁵, который пришлось разрешать уже Екатерине II.

Можно резюмировать, что, в отличие от политики Екатерины II³⁶, диссидентский вопрос для Елизаветы Петровны носил личный, искренний характер. Нет никаких сведений о том, что этот вопрос рассматривался как способ присоединения к России части населенных православными земель Речи Посполитой. Более того, в 1756 г., оформляя секретные цели российского участия в приближавшейся Семилетней войне, главные советники Елизаветы Петровны упомянули и о Речи Посполитой: «одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии. – М. А.), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные хлопоты и беспокойства пресекались, но может быть и способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»³⁷. Под «хлопотами и беспокойствами» имеются в виду постоянные пограничные конфликты, и характерно, что русский двор больше волнует присоединение лютеранской Курляндии, чем той же Белоруссии с ее православным населением.

Тогда Петербург собирался только прекратить постоянные притеснения православных в Речи Посполитой, но 20-летняя борьба за это и елизаветинской дипломатии успехом не увенчалась – и жалобы, и требования со стороны русских дипломатов остались без удовлетворения. При всей практичности польской политики Екатерины II и Н.П. Панина невозможно не согласиться с утверждением, высказанным еще С.М. Соловьёвым, что «русское национальное движение под религиозным знаменем»³⁸, которое десятки лет с поддержкой России безуспешно выступало за сохранение своих прав в польско-литовском государстве, действительно было одной из главных причин падения Речи Посполитой, неспособной как избавиться от диссидентов, так и дать им политические права. Современный польский историк белорусского происхождения А. Миронович из Белостока, специалист по истории православия в Речи Посполитой, в изданной в Польше работе также указывает, что «последним шансом прекращения сепаратистских тенденций у верующих Православной Церкви был Гадячский договор» 1658 г., когда украинский гетман И. Выговский договорился о политических и религиозных правах православных в восточных воеводствах Речи Посполитой, но этот договор под давлением папских нунциев и униатов так и не был утвержден в Варшаве. Так шанс интеграции православных в Речи Посполитой был упущен окончательно³⁹. Мы видим, как современный польский историк, вполне свободный от российских имперских мифов, по сути приходит к той же идее, что и С.М. Соловьёв – отсутствие интеграции православных (и даже униатов) в Речи Посполитой делало их чужими в этом государстве. И действительно, национально-религиозное движение на землях бывшей Киевской Руси было одной из главных причин падения Речи Посполитой, и это не имперский миф российского сознания.

Войска Екатерины II пришли именно туда, где их ждали обширные массы населения, ждали как освободителей и защит-

ников от притеснений, что показывают и более ранние случаи с капитаном Зейфертом, и представления Феофана Леонтовича. Не будь этого, относясь православные к Речи Посполитой как к своему государству, в котором они хотят жить и которое готовы защищать, Екатерине II не удалось бы реализовать никакие территориальные планы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. Вильна, 1866.
- ² Соловьев С.М. История России с древнейших времён. Кн. IX // Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. С. 459.
- ³ Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001. S. 61.
- ⁴ Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31-39. Впрочем, борьба со стереотипами закономерно приводит автора к чрезмерно личному отрицательному отношению к прежним точкам зрения, считая их обусловленным имперскостью тогдашнего сознания, а потом и «имперскими нотками в политике Советского Союза» (С. 35).
- ⁵ Имеется в виду «Вечный мир» России и Польши 1686 г.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1742 г. Д. 5. Л. 318-320.
- ⁷ Pacta conventa (лат. «всеобщие соглашения») – соглашения, заключаемые дворянами Речи Посполитой и новым королем при его избрании на польский престол, заключали в себе условия соблюдения прав подданных и другие условия правления и ограничения королевской власти.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1742 г. Д. 76. Л. 187.
- ⁹ Там же. 1743 г. Д. 5. Л. 45, 71.
- ¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 450об.
- ¹¹ Там же. Д. 7. Л. 537.
- ¹² Там же. Л. 580об.
- ¹³ Любавский М.К. История западных славян. М., 2004. С. 411. Это соглашение входило и в по-

следующие тексты договоров между Россией и Пруссией. Текст союзного договора России и Пруссии, подписанный Елизаветой Петровной в этом же 1743 г., включал и отдельную статью о совместной защите в случае необходимости прав религиозных диссидентов (т.е. некатоликов) в Речи Посполитой.

- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1743 г. Д. 8. Л. 95-96об.
- ¹⁵ Там же. 1744 г. Д. 10. Л. 16-20.
- ¹⁶ Там же. Л. 178об.-179.
- ¹⁷ Там же. Л. 269об.
- ¹⁸ Там же. Л. 273об.
- ¹⁹ Там же. Л. 328.
- ²⁰ Там же. Д. 4а. Л. 60об.
- ²¹ Там же. Д. 4б. Л. 194.
- ²² Петрушко В. Из истории утверждения унии на западной Руси. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/uniazaprus.htm> (дата обращения: 19.05.2022).
- ²³ АВПРИ. Ф. 79. Оп.1. 1744 г. Д. 8. Л. 278-282об.
- ²⁴ Там же. 1746 г. Д. 7. Л. 343-348об.
- ²⁵ Там же. 1747 г. Д. 8а. Л. 39об.-43.
- ²⁶ Там же. Л. 46-47об.
- ²⁷ Там же. Л. 51-59кв.
- ²⁸ Там же. Д. 7. Л. 65-65об.
- ²⁹ Там же. Д. 8а. Л. 227-230.
- ³⁰ Там же. Д. 7. Л. 81об.
- ³¹ Там же. 1748 г. Д. 4. Л. 79.
- ³² Там же. Д. 7. Л. 508.
- ³³ Там же. 1756 г. Д. 22. Л. 1об.
- ³⁴ Анішчанка Я. Інкарпарацыя. Літоўская правінцыя ў падзеллах Рэчы Паспалітай. Мінск, 2003. С. 42-47.
- ³⁵ Там же. С. 42.
- ³⁶ Аржакова Л.М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1. С. 31-39.
- ³⁷ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 136. СПб., 1912. С. 33.
- ³⁸ Соловьев С.М. История падения Польши. М., 1863. С. 6.
- ³⁹ Мірановіч А. Праваслаўная Беларусь. Беласток, 2009. С. 117-118.

**THE RUSSIAN DIPLOMACY IN PROTECTING THE RIGHTS
OF THE ORTHODOX CHRISTIANS IN THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH
IN THE REIGN OF ELIZABETH PETROVNA (1741-1761)**

© 2022 M.I. Anisimov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow

From the first months of the reign of Elizabeth Petrovna the Russian royal court ordered diplomats in Dresden and Warsaw to make statements in defense of the rights of Orthodox Christians in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Their rights were violated by the forcible seizure of churches and the conversion of Orthodox Christians to Uniatism, as well as the oppression of Orthodox Christians by Catholic magnates, noblemen and priests. By the 1740s, of the four Orthodox dioceses in the Polish-Lithuanian Commonwealth, which the Polish authorities pledged to protect in 1686, only one remained, the Belarusian diocese. The royal court of Augustus III issued disposals on the basis of Russian complaints, but due to the republican structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the king did not have the right to order the Polish noblemen. The Polish Sejm, the main authority of the Polish-Lithuanian Commonwealth, could make decisions binding on all subjects, but its work in the 18th century was paralyzed by the internal conflicts of the magnates. An attempt to form a special commission to consider the complaints of Orthodox Christians according to the Polish laws was not successful. The Russian government could only convince every offender of the Orthodox Christians of the undesirability of such actions, but these measures also did not bring results. The only success of the Russian diplomacy was preventing the transition of the Orthodox Belarusian diocese to the Uniate Church since Dresden and Warsaw needed Russian protection from possible Prussian aggression in 1742 and 1756. In the same time, the Orthodox population of the Polish-Lithuanian Commonwealth was increasingly dissatisfied with both their own disenfranchised position and the futility of diplomatic methods of their protection on the part of the Russian royal court.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Russian-Polish relations of the 18th century, history of Belarus in the 18th century, dissident question, Polish-Lithuanian Commonwealth

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-74-87